

М. А. Бобрик

ВОПРОС О ПЕРВОЯЗЫКЕ В СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕНОЙ ТРАДИЦИИ (постановка проблемы)

Сюжет вавилонского столпотворения, содержащийся в книге Бытия (XI, 1—9), наряду с текстом начальных глав этой библейской книги (I; II, 20—23; V, 1—2) лежит в основании глоттогонических представлений эпохи средневековья. Происхождение данного сюжета и его судьба в различных культурных традициях подробно прослежены в монографии А. Борста¹. Славянской письменности здесь отводится сравнительно небольшой раздел, в котором несколько текстов (а именно «Повесть временных лет», Толковая Палея, Христианская Топография Козьмы Индикоплова и Хронограф редакции 1512 г.) рассматриваются в рамках определенной культурологической модели с точки зрения типологии восприятия сюжета о вавилонском столпотворении². При этом процесс усвоения данного сюжета предстает как целостный и непротиворечивый. Расширение круга текстов уже в первом приближении убеждает в обратном — в том, что процесс этот был достаточно сложным.

Существенным мотивом сюжета о вавилонском столпотворении является мотив первоязыка, отсутствующий в каноническом тексте Библии, однако получивший развитие в экзегетических (в том числе апокрифических) и хронографических текстах. На славянскую почву попадали две возможные интерпретации данного мотива: первоязыком может признаваться еврейский либо сирийский язык. Оставляя в стороне вопрос о происхождении двух традиций и их конфликта (что потребует специального исследования), мы предполагаем наметить в данной статье круг текстов, соответствующих в славянской книжности каждой из двух традиций мотива первоязыка.

Первоязык — в славянских текстах он может называться «старым», «праотческим», «адамовым» — это тот язык, который был дарован Адаму и на котором тот говорил в Раю, язык, на котором Ноевы ипотомки говорили до столпотворения и который после «рассеяния» народов был оставлен богом одному из них. Адамов язык мыслится как идеал в прошлом³, именно поэтому идея адамического языка столь важна для понимания реставрационных пуритических движений в средневековой славянской книжности.

Взгляд на еврейский как на первоязык представлен в славянской письменности в хронографических и некоторых апокрифических текстах. В тексте Хроники Георгия Амартола о вавилонском столпотворении рассказывается дважды: в «предисловии» к хронике («Времень-

¹ Borst A. Der Turmbau von Babel. Stuttgart, 1957—1963. Bd 1—4.

² Ibid. Bd 1. S. 317—323.

³ Например, согласно Шестодневу Севернана Гавальского, первородный грех был причиной отпадения человека от «Божьего гласа»: «Донти плакати», — говорит Адам, — ω гласъ прѣстѣльшааго гласа тво|его слыша^с, фного любимаго, фио|го иже миъ въсъ блаа подав'шому|и съдълав'шому. слышахъ гласа тво|его, и расмотрі^т коего гласа ω падо^ж|кого гласа прѣбидѣхъ» (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ). Рук. отд. Ф. 178, № 921, л. 82 об.).

никъ въпростъ ω различны^х же хронографъ же и сказатель събранъ же и сложенъ Георгии^с мъ грѣшникомъ мнихомъ») и в тексте самой хроники. Мотив первоязыка содержится только во втором тексте, где читаем: «Всѣмъ же тѣмъ на столпъ и града создание съшедшиемъса, старшиши имахо ·ов·, юдинъ^ж юверъ не приложися к нимъ ни къ безумномоу дѣлу ихъ. того ради всѣхъ тѣхъ языци размѣсиша соущихъ въ свѣтѣ томъ, [и въ] ·ов· языка раздѣлиша по числу кназъ своихъ, и быша каждо своимъ языкомъ ω дха и праваго гнѣва гоними расыпашася, ювероу же юдиному не ω тать Бѣ ·а-го гласа тѣмъ оставъши въ ·а-ми языцѣ ювѣискѣ са языкъ наре^х по имени ω бладающа ими в родъ ювѣискъ, иже ючкымъ именемъ исто- вымъ ювѣи наре^чни быша»⁴. Итак, согласно Амартолу, единственным из 72 вождей, уклонившимся от участия в строительстве башни, был Евер, поэтому ему и его потомкам — евреям — был оставлен прежний язык, называемый по его имени еврейским. Далее следует аргументация этой точки зрения. Первый аргумент состоит в том, что по-еврейски говорили потомки Авраама, ведущего свой род от Адама: «ювѣискомъ языкомъ имахо соущимъ ω Аврама рожъшиемъса ω него соущимъ». Второй аргумент: по-еврейски говорил Христос — второй Адам; при этом приводятся слова Христа из Евангелия от Марка (VII, 34; V, 41; XV, 34) и Евангелия от Матфея (XXVII, 46): «Вѣдати же и потомъ втораго Адама Х^са ювѣискомъ языкомъ весма ω ·а-го Адама соуща, яко еффата и талифа коми и лима савахфани и проча^т». Третий аргумент заключается в том, что «Адам» и другие ветхозаветные имена могут быть истолкованы, переведены, этимологизированы только с помощью еврейского языка: «Таче же к тѣмъ и древнихъ имена сбывашиемъ чюдюмъ тако бы^б гль прежде размѣнила. в нихъ же бо по ии юдинъмъ юсть языкомъ знаменанихъ изрѣшити, ω тои искоущімоу // исправити. како Адамоу и ироичимъ имена ииъмъ ии юдинъмъ языкомъ истолкоуєтъ^с, токмо ювѣискомъ языкомъ». Наконец, ссылаясь на авторитет Оригена, автор хроники приводит возражение тем «неуметелям», которые «противоу глѣть, и ювѣискъ языкъ первые бы^с, по Соурьскому языку первыи юсть»: «Соурьскою рѣчъ изрече ювѣискомъ гла^сь, зане бо и Соурию Июдѣйскою землю именоваша и Соурии первии Палестиланъ наре^{коша}⁵. Таким образом, речь идет о том, что сирийский язык есть тот же еврейский, так как Сирия называлась Иудейской землей, а сирийцы — палестинянами.

Изложение той же концепции первоязыка находим в славянских переводах других византийских хроник. Согласно Симеону Логофету, первоязык сохраняется у Евера и его «внуков», однако именно он возглавляет строительство башни, Неврод же добывал для строящих пищу охотой: «Бѣхъ же вси языци сиждящи о; гла^с же и^х въсѣхъ бѣше единъ. Неврод же и^м исполинъ, Хусы Ефиоплѣнина снь, на съиѣл ловъ

⁴ Истрип В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1. С. 57—58.

⁵ Там же.

дааше свѣра. Евер'же, салин снь, основати нача^т зданіе. Мнащим же имъ оуже дѣлу ихъ прѣспѣвати, размѣси языки Бъ, въ различїа гласомъ раздѣливъ. Глат же, яко единъ Еверъ прѣвый оудръжа гла^с; и, сего прѣемше, внуци его себе очімъ именемъ Еврѣх нарекоша, образъ быти имъ еже прѣжде размѣшено азыку». Далее приводятся переводы-толкования имен *Адам*, *Ной*, *Хус*, *Месраим*, *Фалек* и названия «Вавилон»: «Древніихъ имена, въ нихъже ни по единому есть азыку забыти въображаемое, тѣми бо искомое тлъкуется (евреями. — М. Б.); ибо || Адамъ ни по единому и иныхъ азыку тлъкуемо обрѣтается, по тѣхъ же азыку члкъ глеть; и Ноеvo има никоимъ же азыкомъ сказуєтса, по нихъ же правда глется; Хусъ глеть Еѳиопъ, а Месраимъ Егупть, а Фалеа раздѣленіе... Размѣшено же о бывшаго иже на мѣстѣ томъ наречѧ гра^д съезданъны тамо Вавулонъ, Вавулонъ бо Еврение размѣшено именујть»⁶. В этой части текста хроника Симеона Логофета совпадает с хроникой Георгия Кедрина, которую использовал в своей «Летописи» Димитрий Ростовский (см. ниже), однако значительно отличается от хроники Георгия Амартона, где содержится толкование только имени Фалек, название же места столпотворения этимологизируется иначе: «И бы^с раздѣление, юже есть расѣниe, симъ Ноевомъ и въ нихъ рожьшемъ^с, тѣмъ Меропе нарекоша^с, рекше раздѣлици, въ раздѣленаго же гла^са и въ раздѣления земль»⁷.

В «Повести временных лет» о вавилонском столпотворении, так же как и в хронике Амартона, рассказывается дважды. Мотив первоязыка содержится в тексте так называемой Речи Философа. Этот текст о первоязыке имеет, по-видимому, общий с Толковой Палеей источник, к которому тексты летописи и Палеи относятся в данном фрагменте как соответственно максимально конденсированный и значительно детализированный варианты изложения. Приведем параллели:

«Повесть временных лет»

«...И снide Богъ, и размѣси языки на 70 и 2 языка. Адамовъ же бысть языкъ не отъять у Авера: той бо единъ не приложиць къ безумью ихъ, но рече сице: 'Аще бы человѣкомъ Богъ рекъ на небо столпъ дѣлати, то повелѣль бы самъ Богъ словомъ, яко же створи небеса, землю, море, вся видимая и невидимая'. Сего ради того языки не премения; от сего суть евреи. На 70 и единъ языкъ раздѣлиша, и раздошася»⁸.

Толковая Палея

«...Аверъ же юдинъ не приложи^с къ безумью ихъ, но рече сице. аще бы члвкомъ Бъ рекъ столпъ на ибо дѣлати, то повелѣль бы самъ Бъ словомъ. яко же створи ибо и землю, и всѧ видима^и и невидима^и ... и снide гсъ... и смѣси Бъ языки и раздѣли^и на 'о' и на юдинъ языкъ 'в' языкъ адамовъ. имже досаду глаху сна Аверова. зане ту бо Аверъ не приложи^с къ безаконью ихъ. сего ради того языкъ не премени^с а тѣмже оубо прозваша^с»⁹.

⁶ Симеона Метафраста и Логофета Описание мира от бытия и летописец. Спб., 1905. С. 10—11.

⁷ Истрии В. М. Указ. соч. С. 58.

⁸ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 64.

⁹ Палея толковая, по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. М., 1892. Стбл. 229—230.

В Хронографе редакции 1512 г. в главе 6-й, содержащей текст о вавилонском столпотворении, есть самостоятельный раздел «О Евере». Здесь Евер — не только носитель первоязыка, но и хранитель протописьменности — еврейской «грамоты» — и «звездного закона» (последнее свойство в ряде текстов приписывалось Невроду, например, в «предисловии» к Амартолу, в хронике Иоанна Малала): «Еверъ же единъ бысть отъ язы свободъ и не приста на столпотворение и сего ради тому единому остави Богъ имѣти первозданный Адамовъ языкъ и съмени его и грамотоу тѣмъ языккомъ и звѣздный законъ, еже на выче отъ дѣда своего Каинана. Отъ сего оубо Евера Израильтеский языкъ влечашеся родомъ, иже и по его имени Евреи нарицахуся, и грамоту отъ него извыкоша Адамовыи первымъ языккомъ, иже прѣбысть оу нихъ и до сего дни. Ини же языци по своимъ языккомъ отъ того же сложеніа словесь грамоты || сложища»¹⁰.

В хронографическом тексте (аналог хроники Георгия Синкелла), предваряющем летопись Абраамки, евреи — хранители первоязыка — считаются потомками Неврода; разрыв этимологической связи между названием народа и патронимом мог возникнуть в результате пропуска той части текста источника, где говорилось о Евере. Таким образом, речь Евера, известная нам уже по текстам «Повести временных лет» и Толковой Палеи, в летописи Абраамки принадлежит Невроду: «Аще бы рекъ Богъ столпъ дѣлати человѣкомъ до небеси, то сице бы рекъ словомъ, яко же сътвори небо и землю, сего ради тъ языкъ не премѣни во инъ языкъ, отъ сего суть Евреи»¹¹.

Сходным образом строится аргументация в апокрифическом вопросо-ответном тексте «Сказание от недоведомых истинное книги бытиескые» (сербский список XIV—XV вв.): «Бѣше бо до тѣхъ лѣть (до столпотворения. — М. Б.) единъ езыкъ въсѣмъ жидовскыи. иѣци же пишууть яко сирскии бѣ. ии мъ съдръжимъ жидовскыи яко бѣ, тъ бо моужъ (Неврод. — М. Б.) начелникъ племени, тому бѣ. и жидове тогда въ неврѣдове воли създаше стлыпъ, и градъ Вавулонъ»¹².

В состав Степенной книги (гл. 26 «Философа греческаго беседа») включен текст о вавилонском столпотворении, основанный на Речи Философа из «Повести временных лет» и дополненный по каноническому тексту книги Бытия и хронике Амартона¹³.

В начале XVIII в. Димитрий Ростовский включает рассказ о вавилонском столпотворении в «Летопись... сказующую Деяния от начала миробытия до рожѣства Христова...», пользуясь в качестве источников византийскими хрониками Георгия Кедрина и Иоанна Навклира. В «Летописи...» читаем: «Еверъ же единъ сый от праотецъ Христовыхъ, сынъ Саловъ, внукъ Каинановъ, правнукъ Арфа^иадовъ, праправнукъ Симовъ, той праведенъ мужъ, и истинный бгочтецъ сущи, съ своимъ племенемъ не изволише на то бгопротивное дѣло (строительство башни. — М. Б.), и отлучися от нихъ... Снide... Гѣдъ, и размѣси языки ихъ на седьмидесять и единъ языковъ, а седьмидесять второй языкъ оста Еверовъ, иже от Адама начатса, понеже Еверъ не бѣ общникъ зиждущымъ столпъ, оубо и языкъ праотческій въ немъ и въ племени его цѣль соблюдеса, и от тогда племѧ его прозвано бысть Евреи, а языкъ того, наречеса языкъ Еврейскій»¹⁴.

¹⁰ Поли. собр. рус. летописей. Спб., 1911. Т. 22, ч. I. С. 30.

¹¹ Там же. Т. 16. Стбл. 4.

¹² Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. Апокрифы ветхозаветные. Пг., 1921. Вып. 1. С. 140.

¹³ Поли. собр. рус. летописей. Т. 21. С. 79.

¹⁴ Ростовский Дим. Соч. Киев, 1825. Ч. IV. Л. 4.

Иной взгляд на первоязык, а именно концепция сирийского как языка Адама, впервые в славянской письменности отражена в «*Сказании о письменах*» Черноризца Храбра (между 886—893 гг.): «Нѣсть Бѣ сътворилъ жидовска лзыка прѣжде ни румска, ни еллинска, и ѿ сурескъ, имже и Адамъ гла и ѿ Адама и до потопа, и ѿ потопа, дондеже размѣси Бѣ лзыки при стльпотворенїи»¹⁵. Выбор «сирийской» версии первоязыка позволял автору «*Сказания...*» обосновать богооткровенную истинность и достоинство славянского языка в сравнении с тремя священными языками: все четыре языка возводились к единому источнику, не тождественному ни одному из них.

Сирийский признается первоязыком также в «*Откровении* Псевдо-Мефодия Патарского» («Сказаниe... ѿ Одаме и ѿ потопѣ и ѿ раздѣлении языкъ...» по русскому списку XVIII в.). Согласно этому тексту, хранителем первоязыка является сын Евера Фалек. Он возглавляет 13-й род, не принявший участия в столпотворении и потому сохранивший первозданный Адамов язык, в то время как остальные 12 родов его утратили (числовая символика «*Откровения...*» резко отличается от символики числа «72», принятой в рассмотренных выше текстах): «...Виуцы ноевы 12 родовъ начаша себѣ столпъ здати, глаголюще: «Аще сотворить Богъ второй потопъ на землю, то взыдемъ на столпъ сей и живи будемъ». А третіяgonадесять роду именемъ Фалекъ, той не приста совѣту ихъ и съ племенемъ своимъ столпъ здати; но рекоша сице: «Аще и сотворить Богъ второй потопъ на земли, буди воля божія: или жити или умрети». И того ради Богъ не отъя у него сирского языка, имже Адамъ глаголаше...»¹⁶.

Эсхатологическая окраска, свойственная мотиву первоязыка в тексте Псевдо-Мефодия, в еще большей мере присуща апокрифу «*Вопросы, от скольких частей создан был Адам*», приписывающемуся основателю богомильства Иеремии Богомилу. На вопрос о том, каким языком будет Христос судить на Страшном Суде, в тексте даётся следующий ответ: «...сурыйскимъ языкомъ хощеть всему миру судити»¹⁷.

«*Откровение*» Псевдо-Мефодия, Толковая Палея и хорошо известное по азбуковникам «*Сказаниe...*» Черноризца Храбра, по всей вероятности, в совокупности оказали влияние на «*Списание и собрание о божестве и твари*» (1672) протопопа Аввакума. Первоязык, которым Аввакум признает сирийский, сохраняется после разрушения башни у Евера: «Один Евер не пристал совету и делу их (единомышленников Неврода. — М. Б.): тот старым языком и говорит, — сирским, имже Адам и все прежде говорили»¹⁸.

Если для «еврейской» версии первоязыка одним из основных источников в славянской письменности служила византийская хронографическая традиция (восходящая к определенной традиции библейской эзекеley: Ориген, Климент Александрийский, Филон Александрийский, Иероним Стридонский), то «сирийская» версия первоязыка могла стать известной по толкованиям на книгу Бытия (*In Genesim*) Феодорита Кирского, на что указывал И. В. Ягич, комментируя соответствую-

¹⁵ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке//Исследования по русскому языку. Спб., 1885—1895. Т. 1. С. 301.

¹⁶ Тихонравов Н. И. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 252.

¹⁷ Там же. Т. 5. С. 452.

¹⁸ Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. Спб., 1898. С. 230.

щее место «*Сказания...*» Черноризца Храбра¹⁹. 60-й вопрос толкований — «Какой язык древнейший?» (Ποια γλῶσσα ἀρχαιότερα;) — получает ответ, в котором происхождение ветхозаветных имен Адам, Каин, Авель, Но́й объясняется из сирийского языка²⁰. Отвечая на следующий, 61-й вопрос — «А еврейский язык откуда произошел?» (Η διαλέκτης του ιερεύς από πού;) — Феодорит излагает свое отношение к противоположной точке зрения на первоязык. Древнееврейский он считает сакральным языком (Οὗτοι αἱ γλώσσαι τῶν ιερέων εἰναὶ φωνὴν), который был дарован богом через Моисея и который изучается юношами при обучении грамоте; поэтому этот язык является усвоенным, а не природным (βιδακτήν οὐδεν, οὐ φυσικήν). Таким образом, древнееврейский рассматривается как общий для всех иудеев, независимо от места их обитания, сакральный язык, противопоставленный языкам, принятым в данной местности, стране.

Прямую ссылку на Феодорита Кирского содержит разбирающийся выше текст «*Сказание от недоведомых...*» («пишет же ѿ стльпътомъ и феодоритъ»²¹), составитель которого, однако, является приверженцем «еврейской» версии первоязыка.

К вопросу о двух традициях мотива первоязыка непосредственное отношение имеет тот факт, что в ряде древнерусских переводных житийных текстов (например, в житии св. Андрея, Христа ради юродивого и в житии преподобного Илариона) бес изъясняется на сирийском языке²². Объяснение этому было предложено Б. А. Успенским, который считает, что бес говорит по-сирийски именно в силу древности этого языка²³. Думается, однако, что сирийские речи дьявола следует увязывать не с «сирийской», а с противоположной ей «еврейской» версией первоязыка. И вот почему. Сюжет о вавилонском столпотворении предполагает, что первоязык сохраняется у того, кто воспротивился участию в замысле против бога, совершающем по дьяволу паутиению. Чистота адамического языка, сохранявшая и у нового Адама — Христа, не может быть присуща дьяволу. Бог и бес говорят на разных языках²⁴. Так что если признается, что бог говорит на древнееврейском языке, то его антагонист — на противопоставленном ему сирийском; если бог говорит на языке сакральном, книжном, то его антагонист — на языке, противопоставленном книжному. Такая соотнесенность имеет очевидные параллели в средневековых латинских текстах. Так строится, например, противопоставление латыни и каталанского в проповедях Винсента Феррера (1350—1419), составленных в форме диалога

¹⁹ См.: Ягич И. В. Указ. соч. С. 313.

²⁰ «Адам» связывается с западно-сирийским adamtō и восточно-сирийским ad[al]mētā «красная земля» и переводится на греческий как «земной, глиняный» или «перстный» (γῆνος, χοϊκός); «Каин» означает «владение, обладание» (κτησία); «Авель» — «печаль» (πένθος); наконец, «Ной» переводится как «покой» (αὐάλαυσις) (Patrologiae cursus completus, series graeca/Accurante J. P. Migne. P., 1863. T. 80. Cln. 165).

²¹ Ягич И. В. Указ. соч. С. 140.

²² Великие миные четии. Спб., 1870. Окт. 1—3. Стлб. 120—121; Великие миные четии. Спб., 1880. Окт. 19—31. Стлб. 1721—1722.

²³ См.: Успенский Б. А. Вопрос о сирийском языке в славянской письменности: почему дьявол может говорить по-сирийски?//Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 79—82.

²⁴ Как вопрос об адамическом языке, так и вопрос о языке дьявола связаны с текстами толкований на книгу Бытия. Проблемы «греческой коммуникации» в Раю обсуждаются, в частности, в Шестодневах. Так, в цитированном выше Шестодневе Северина Гавальского читаем: «Μιօνι βοιησητούτοι како прогла зміи, | седа члеским гласомъ, или Сви|здомъ;» (ГБЛ. Ф. 310, № 184, л. 119).

бога и сатаны: голос бога представлен латинским текстом Евангелия, голос же сатаны — каталанскими глоссами²⁵.

Итак, рассмотренные нами тексты о вавилонском столпотворении, содержащие мотив первоязыка²⁶, распадаются на две группы. Первую составляют тексты, в которых первоязыком считается *еврейский*: славянские переводы византийских хроник Георгия Амартола, Симеона Логофета, «Повесть временных лет», Толковая Палея, «Сказание от недоведомых истинное...», аналог Синкелла в составе летописи Аврамки, Хронограф редакции 1512 г., Степенная книга, «Летопись...» Дмитрия Ростовского. Другую группу текстов («Сказание о письменех» Черноризца Храбра, «Откровение» Псевдо-Мефодия Патарского, апокрифические «Вопросы, от скольких частей создан был Адам», «Списание и собрание о божестве и твари» Аввакума) объединяет взгляд на *сирийский* как на язык Адама. Существование в славянской письменности двух традиций ставит перед исследователем проблему: насколько случаен и чем обусловлен выбор той или иной точки зрения на первоязык? Отсюда возникают и смежные проблемы: 1) источники каждой из концепций для славянских книжников и 2) происхождение конфликта двух концепций первоязыка. Решение этих проблем позволит интерпретировать очерченный выше круг текстов.

²⁵ Sobre Josep Miquel. The voice of God in medieval Catalan literature//Semiotics. 1987. Vol. 63, N 1—2. P. 143—149.

²⁶ Этот мотив отсутствует, в частности, в Исторической Палее, в «предисловии» к хронике Амартола, в хронике Иоанна Малалы, в Христианской Топографии Козьмы Иппикоплова, в начальной части «Повести временных лет».

Поступила в редакцию
20.05.88